

2012/1 (7)

УДК 902

Содержание

Кочеляева Н. А.

Теоретическая культурология

Взаимодействие механизмов памяти и забвения
в исторической перспективе

Шеманов А. Ю.

Другой как «неспособный»:
социальный конструктивизм
vs. медиализация

Разлогов К. Э.

Духовное возрождение — миф
или реальность?

Историческая культурология

Кочеляева Н. А.

Взаимодействие механизмов
памяти и забвения
в исторической перспективе

Скибинская О. Н.

Культурно-исторические основы
исследования рода
в провинциальной российской
традиции

Прикладная культурология

Костина А. В.

Реклама как фактор формирования
аксиологического пространства

Мамедов Ф.

Человеческий капитал: возможности
культурологического подхода
к анализу и оценке

Румянцев М. В.

Лаптева М. А.

Зеленцова Е. В.

Мельвиль Е. Х.

Андреева С. В.

Междисциплинарное исследование
креативных индустрий
и творческой экономики
Красноярска

Аннотация. Статья посвящена феноменам забвения и памяти в культуре. Особое внимание уделено забвению как одному из важнейших инструментов формирования новой культуры и новой идентичности и особой роли принудительного забвения в этом процессе. Статья акцентирует внимание на том, что политический инструментарий, в арсенал которого входит и забвение и память, остается исторически неизменным. Другой аспект взаимодействия процессов памяти и забвения раскрыт на примере обращения к так называемым «трудным местам» памяти и вызволению их из забвения. В этих процессах особое значение приобретает взаимодействие исторического исследования, коллективной памяти и восстановления исторической справедливости.

Ключевые слова: память, актуализация памяти, принудительное забвение, намеренное разрушение, идентичность, места памяти, формирование гражданского общества

Тема памяти в культуре неизменно сопряжена с темой забвения, сопровождающей всякое практическое действие, направленное на увековечение образов событий, людей и т.д. Процесс создания одних культурных ценностей всегда неотделим от процесса разрушения других, и в этом смысле свое специфическое значение приобретает практика принудительного забвения. Множество исторических примеров, связанных с созданием культурных ценностей, подтверждает, что эти процессы неотделимы от сопутствующих им разрушительных тенденций, поскольку всегда сопряжены с проблемой воли и выбора человека, который на разных уровнях — общечеловеческом, государственном или частном — определяет возможность и/или необходимость сохранения образов исторических событий, масштабных фигур и действий в исторической памяти и/или, напротив, их изъятия и вытеснения в сферу забвения.

В современных отечественных и зарубежных исследованиях достаточно широко представлены как теоретические, так и методологические подходы к вопросам, связанным с изучением роли памяти в культуре [1]. Однако недостаточная разработанность в научных исследованиях темы забвения, особенно того ее специфического аспекта, который принято называть принудительным забвением, и разрушения культурных ценностей требует ее специального рассмотрения и анализа.

В статье поставлена задача на конкретных исторических примерах

Гуманитарные исследования

Большакова А. Ю.

Теория архетипа и концептология

Селезнева Е. Н.

Методы концептуализации стилей наследования в истории культуры

Богатырёва Е. А.

Фактор времени в становлении культурных индустрий

Вислова А. В.

Культурные индустрии и театр

Малая культурологическая энциклопедия

Иконникова С. Н.

Кондаков И. В.

Костина А. В.

Шапинская Е. Н.

Высокие стандарты ученого и гражданина, воплощенные в жизнь: памяти А. И. Шендрика

К 80-летию Российского института культурологии

Астафьева О. Н.

Разлогов К. Э.

Диалог накануне юбилея

Рецензии

Черносвитов П. Ю.

Цивилизационная идентичность в переходную эпоху

Васильев А. Г.

Современная историческая наука — культурологии

Рецензия на книгу Л. П. Репиной «Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика»

Аванесова Г. А.

Культурологический дискурс в контексте современных социальных трансформаций

Научная жизнь

Зубов А. А.

Курова-Чернавина Н. С.

Энциклопедический текст на фоне

показать, как работают механизмы принудительного забвения, какие для этого средства используются, а также каковы роль и значение вызволения значимых для определенных культурных сообществ событий из потока Леты в процессе формирования гражданского общества.

Принудительное забвение как репрессивный механизм и его роль в формировании новой идентичности

Для анализа такого явления, как принудительное забвение в культуре, избраны примеры, связанные с переломными моментами в развитии государств или цивилизаций, когда, например, происходила замена одной религии другой либо наступало время новой идеологии, а также ряд других феноменов, в возникновении которых особую роль играло намеренное «вымарывание» тех или иных событий и обстоятельств из коллективной/индивидуальной памяти — принудительное забвение.

Культура намеренного увековечения и культура намеренного разрушения — две стороны одной медали?

Одним из ярких и показательных примеров, на наш взгляд, является ряд последовательных разрушений и созиданий культовых памятников, которые происходили на территории Палестины в I–IV вв. н.э. Следовавшие друг за другом перемены повлекли за собой как разрушение старых памятников, так и строительство новых либо приспособление старых культовых зданий для новых целей. Данный пример избран для иллюстрации, поскольку хорошо обеспечен источниками (письменными, архитектурными и т.д.): Иерусалим всегда находился в центре притяжения, особенно на заре становления христианства и его развития на протяжении всего средневекового периода. Этому городу была предопределена насыщенная историческими и культурными событиями судьба, на многие века связанная с различными религиями.

Первое значительное разрушение памятников иудейского Иерусалима произошло в 70-е гг. I в. н.э., после того как находящийся в составе Римской империи город был освобожден в результате восстания иудеев против римлян (66–70 гг.), а в 70 г. в результате пятимесячной осады жестоко покорен войсками Тита, сына императора Веспасиана. Тогда практически до основания были разрушены и город, и главная святыня иудеев, никогда уже более ими не восстановленная, — храм на священной горе Сион, выстроенный царем Соломоном.

Более полувека разрушенный Иерусалим оставался в запустении и забвении, влачил жалкое существование убогого гарнизонного города, пока весной 130 г. римский император Публий Элий Адриан не посетил его по пути следования в Египет. Получив от своих предшественников огромные территории от Британии, Галлии и Испании на западе до Парфянского царства на востоке, император Адриан предпринял попытку консолидировать население страны на основе общих религиозных верований, одновременно строя новые города, храмы, дороги. Так на месте Иерусалима в 130 г. начал строиться новый город — Элия Капитолина, названный в честь родового имени императора.

Благоустройство нового города сопровождалось строительством языческих храмов. В тоже время рядом указов императора был введен запрет на обрезание и изучение Торы; были осуществлены и другие меры, жестко регламентировавшие религиозную жизнь в Римской империи. Проводимая императором Адрианом политика поддержания единства империи совершенно оправдано, с точки зрения объединения населения Римской империи, сочетала такие меры, как благоустройство

*Коваленко Т. В.*О создании Южного филиала
Российского института
культурологии

страны и формирование общей идейной системы, в данном случае основывавшейся на реформировании культа. Однако продуманные действия этого императора были совершенно не совместимы с контекстом культурной жизни и религиозными воззрениями иудейского народа и вызвали с его стороны отчаянные попытки сопротивления, продиктованные желанием сохранить и отстоять свои духовные ценности.

Иудеи, окончательно утратившие свой священный город, нашли в себе силы возразить императору восстанием Бар-Кохбы, которое длилось три года (132–135). Попытка защитить свои духовные ценности и уйти от культурного забвения, в конечном итоге, была жестоко подавлена. На развалинах древнего Иерусалима возник новый город, посвященный трем богам капитолийского пантеона — Юпитеру, Юноне и Минерве. Город был выстроен согласно римским градостроительным канонам, и отдельные части его до настоящего времени сохраняют следы античности, не исчезнувшей даже в результате будущих перестроек.

Прошло менее двух столетий, и к Иерусалиму вновь было приковано внимание римского императора, на этот раз — Константина Великого. К этому моменту христианство, благодаря Миланскому эдикту (313 г.) получило статус *religio licita*, и его адепты принялись проводить политику построения нового Иерусалима — Иерусалима христианского. На Первом Вселенском Соборе в Никее (325 г.) император Константин ответил согласием на просьбу архиепископа Элии Капитолины Макария уничтожить языческий храм Афродиты и разыскать гробницу Христа, расположенную, по мнению иерусалимских христиан, как раз под вышеназванным храмом. Так Иерусалим снова столкнулся с проблемой намеренного разрушения, влекущего за собой создание новой культуры, которая на протяжении почти двух тысячелетий остается притягательной для паломников со всего света.

Церковное предание сообщает, что после «благочестивых раскопок» императрицы Елены была найдена гробница Христа, обретен Крест, на котором Иисус был распят, определено место Распятия. Все эти памятные места вошли в структуру выстроенного по заказу императора Константина архитекторами Зеновием и Евстафием великолепного храмового комплекса, в состав которого был включен Мартирий и примыкающая к нему базилика. Разрушение храма Афродиты и постройка на его месте комплекса почитания Христа стала прямой демонстрацией победы христианства над язычеством, впоследствии закрепленной созданием на протяжении семнадцати столетий огромного количества христианских комплексов почитания в Палестине.

Аналогичные механизмы взаимодействия созидания и разрушения можно обнаружить и в недавнем российском прошлом, когда менее чем за сто лет дважды сменилась идеологическая парадигма. Отметим не только разрушение памятников культа и культуры [2] в конце 1920–30-х гг., но также и, например, перемену названий улиц, когда Рождественка, Ильинка, Никольская стали именоваться улицами Жданова, Куйбышева, 25 Октября и т.д. и только небольшое количество московских старожилов и краеведов-любителей сохраняли в своей памяти подлинную московскую идентичность. Кроме того, памятники эпохи Российской империи были снесены, их место заняли образы вождей пролетариата, привлекая на службу идеологии лучшие художественные силы, надо сказать с честью (если иметь в виду художественный аспект их произведений, о другом и речи быть не может — время диктовало свои условия) выполнившие поставленные перед ними задачи.

Вторая смена привычных ориентиров произошла в начале 90-х гг. минувшего века, когда московским улицам возвратили их исконные названия, памятники вождям революции снесли, поначалу свалив их в кучу под открытым небом, а затем определив им место в музее (все-таки художественная ценность!). Сложившаяся за 70 лет коммунистического режима идеологическая система была разрушена, а ее место постепенно стали заполнять религиозные верования, по преимуществу — православие, вытесненное после Октябрьской революции в маргинальное поле. И теперь православие занимает нишу одного из мощных ориентиров современной культурной политики России.

Приведенные выше примеры являются убедительными свидетельствами сосуществования двух взаимодополняющих друг друга факторов — культуры намеренного увековечения и культуры намеренного разрушения, которые являются одинаково значимыми в процессе создания новых идеологических систем.

*Разрушение индивидуальной памяти
в формировании новой коллективной идентичности*

Еще один аспект связи памяти и забвения иллюстрирует пример из истории средневекового Египта. Речь пойдет об известном феномене истории — так называемом «иностранным легионе», в данном случае — дворцовой гвардии мусульманских правителей Египта, возникновение которой исследователи относят к IX–X вв. [3] Важнейшее значение имеет тот факт, что гвардия мамлюков была сформирована из рабов, как правило, покупавшихся еще детьми в разных странах и затем проходивших специальную воинскую и религиозную подготовку. Основное качество, определявшее безграничную преданность мамлюков правителю, заключалось в том, что, похищенные еще в детстве, эти воины утрачивали связь с культурой, присущей им по рождению, и не обретали связи с традициями Египта, на службу правителю которого они были поставлены. «Мамлюки должны быть независимы от государственного аппарата, правительства и чиновников. Они подчинялись только своему господину, правителю», — пишет исследователь этой проблемы А. Ш. Кадырбаев [4].

Особую значимость в данном контексте для раскрытия темы забвения в культуре имеет утрата этнокультурной идентичности, намеренное стирание присущей каждому этносу «родовой памяти», то есть принудительное забвение. Вследствие этого у мамлюков формируется абсолютно новая идентичность воина, безгранично преданного правителю Египта — халифу. Такого рода намеренное уничтожение родовых, этнических, социальных, семейных и иных связей, обеспечивавших принадлежность к определенному социокультурному сообществу, к которому относились похищенные дети «по рождению», служит своего рода освобождением фундамента, расчисткой площадки памяти для последующего формирования новых идеологических, религиозных, социальных и т.п. связей.

Нельзя обойти вниманием тот факт, что аналогичным образом, в соответствии с идеологической парадигмой тоталитарного режима, поступали и вожди СССР. Начиная с 1920-х гг. они не просто уничтожали цвет российского общества (представителей творческой, интеллектуальной и иных элиты), но также изымали из привычных социальных и семейных условий их детей, помещая их в детские дома, где власть имела возможность навязывать им свои идеологические, мировоззренческие и культурные воззрения. На благо создания,

укрепления и поддержания новой идеологической системы работали и такие объединения, как пионерская и комсомольская организации, а для более нежного возраста (7–9 лет) символическим актом приобщения к общей идеологической системе становился торжественный прием в октябрю. Таким образом, была создана многоступенчатая, последовательная система обращения в государственную идеологию (практически религию) которая позволяла формировать как индивидуальное, так и коллективное сознание, и в дальнейшем — манипулировать им.

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что для системы подавления индивидуальной принадлежности, с одной стороны, и системы формирования особой коллективной идентичности как формы идеологической принадлежности тоталитарному режиму — с другой, в равной степени необходимы и процесс разрушения индивидуальной памяти, и процесс формирования новой коллективной идентичности. Последняя прежнюю память вытесняет в маргинальное поле, и таким образом занимает доминирующую позицию. Все эти процессы имеют принудительный характер, и, как правило, осуществляются довольно жестокими методами, неизменно вторгающимися в сферу прав человека и нарушающими их.

Подводя итог, можно сформулировать следующее. Практика намеренного разрушения одних ценностных установок и соответствующих им памятников и явлений культуры всегда сопровождается созданием новых культурных ценностей. Взаимодействие памяти и забвения в культуре оказывается напрямую зависящим от господствующей здесь и сейчас идейной парадигмы, в рамках которой предаются забвению невмещающиеся в ее «прокрустово ложе» идентичности, традиции, культурные обычаи и приверженность определенным культурным ценностям, и актуализируются наиболее полно отвечающие ей факты и явления культуры. Принудительное забвение, помимо своей основной функции, связанной с «вымарыванием» воспоминаний и, как следствием этого процесса, разрушением культурных ценностей, оказывается на службе создания новых идеологических парадигм и ценностей, им соответствующих.

Актуализация памяти в становлении гражданского общества и развитии межкультурного диалога

Память — это всегда явление, связанное с настоящим, относящееся к настоящему и связывающее события прошлого с настоящим. Память — это всегда живая и очень подвижная, сложная структура, поскольку она принадлежит различным группам, имеющим различную идентичность. Память не всегда удобна, но необходима, потому что дает свободу осознать свою культурную принадлежность. В отличие от традиционной истории, претендующей на личную отстраненность и объективность (хотя и не всегда осуществляемую), память очень субъективна и зависит от личных переживаний участников событий. По словам французского историка Пьера Нора, «между памятью и историей существует фундаментальная разница. Память изначально представляет собой субъективную операцию, даже если речь идет о так называемой “коллективной памяти” — выражение, смысл которого с трудом поддается определению. В отличие от истории память — это эмоциональное переживание, связанное с реальным или воображаемым воспоминанием и допускающее всевозможные манипуляции, изменения, вытеснения, забвения. Она связана с прямым или опосредованным личным переживанием событий прошлого» [5].

Именно личное переживание, личное участие, личные переживания и опыт создают определенные трудности при достижении конструктивного забвения в интерпретации Поля Рикёра — понимания и прощения. Но это необходимая часть мемориальной политики, только благодаря которой становится возможным примирение конфликтующих сторон.

«Трудные» места памяти в становлении гражданского общества

Восстановление исторической памяти и гражданского самосознания в процессе формирования идентичности России в XXI в. может быть рассмотрено на примере взаимодействия памяти и забвения, складывающегося вокруг «трудных» мест памяти — мест политических репрессий, которыми изобилует СССР. Пример двух памятников, связанных с историей политических репрессий — Соловков как места почитания погибших в застенках Соловецкого лагеря особого назначения (СЛОН) узников и музея «Пермь-36», — наиболее показателен в контексте их возвращения из забвения и примирения с исторической памятью.

Для большинства граждан бывшего Советского Союза Соловки стали синонимом репрессивного аппарата большевистской власти. В период с 1920 по 1939 гг. узниками Соловецких лагерей и тюрьмы (Соловецкая тюрьма особого назначения — СЛОН) стали около 100 тыс. человек, более 10 тыс. не вернулись из заключения. Именно здесь начинала формироваться система использования принудительного труда заключенных, впоследствии распространившаяся по всему Советскому Союзу. В течение долгого времени тема Соловецких лагеря и тюрьмы пребывала в поле принудительного забвения, и лишь с началом перестройки и формирования гражданского общества она была возвращена в сферу исторической памяти и стала предметом активной мемориальной политики. Особую роль в этом процессе сыграл Соловецкий музей-заповедник. Будучи еще студенткой первого курса тогда еще Московского государственного историко-архивного института, сентябре 1990 г. я побывала в Соловецком историко-архитектурном заповеднике, и уже тогда в экспозиции музея был зал, полностью посвященный истории СЛОН и СЛОН. Фактически, это была одна из первых музейных экспозиций, посвященных скорбным страницам российской истории.

Позднее одним из направлений мемориальной политики на Соловках стало возвращение и формирование традиции почитания, исконно присущей Русской Православной Церкви. В общий контекст совершения паломничества на Соловецкие острова включено и почитание памятных мест жертв политических репрессий, однако оно не занимает в нем приоритетного места. Например, на многочисленных сайтах, посвященных путешествиям на Соловецкие острова, есть ряд упоминаний о Секирной горе, где когда-то располагалось IV отделение СЛОН — штрафной изолятор, куда узников отправляли не отбывать наказание, а умирать, причем умерщвления заключенных совершались самыми изощренными способами. Однако, за редким исключением, представленные в интернет-путеводителях сведения сводятся к описанию начала монастырской жизни, поскольку считается, что именно возле нее в 1429 г. высадились на Большом Соловецком острове Герман и Савватий Соловецкие. Вот достаточно типичное описание этого места: «На Соловецких островах находится Секирная гора — жемчужина северной природы, удивительно красивое место, в котором надо вести себя... как на кладбище. ...Ни кричать, ни петь в заповедном лесу нельзя — не нужно тревожить покой мертвых». Однако далее нигде ни слова не

сказано, кто эти мертвые, и почему нельзя тревожить их покой [6]. Лишь в одном из путеводителей мы находим отметку, что в 30-е гг. XX в. здесь бытовала поговорка, связанная с работой штрафного изолятора: «Вся Россия боится Соловков, а все Соловки боятся Секирной горы» [7].

Тем не менее, надо отдать должное Русской Православной Церкви, которая способствовала формированию исторической памяти вокруг этого места гибели многих заключенных СЛОН, используя для этого имеющиеся в ее арсенале традиции увековечения. У Северо-Западного склона горы Секирной 21 августа 1992 г. Святейшим Патриархом Алексием II был освящен Поклонный Крест в честь новомучеников Соловецких. Более тридцати новомучеников и исповедников Соловецких были прославлены Церковью и канонизированы Архиерейским Собором 2000 г. Следуя христианским традициям, были удостоены канонизации многие погибшие на Секирной горе священнослужители, в том числе и высших архиерейских чинов, а место их гибели отмечено Поклонным Крестом и включено в общую систему мест поклонения и почитания Соловецкого монастыря.

Однако более широкий контекст мемориальной политики, осуществляемой на Соловецких островах, и особое значение для формирования гражданского сознания имеет деятельность Соловецкого государственного историко-архитектурного и природного музея-заповедника. Музей не только располагает фондами и специальной экспозицией «Соловецкие лагеря и тюрьма. 1920–1939», посвященной узникам СЛОН и СТОН, но также проводит гражданские акции, посвященные данной проблеме. Так, 6–9 августа 2011 г. на Соловках прошли Дни памяти жертв политических репрессий [8]. В программе приняли участие более 50 представителей общественных организаций России, Польши и Украины. 7 августа на Секирной горе состоялась мемориальная акция «Свеча памяти», во время которой была отслужена панихида по заключенным СЛОН и СТОН и погибшим узникам мужского штрафного изолятора. В продолжение поминальной службы участники акции зажгли свечи и установили их у Поклонного Креста. На следующий день состоялось заседание круглого стола, одной из центральных тем которого стал обмен опытом увековечения памяти жертв политических репрессий.

Особенно важно в этом случае подчеркнуть внеконфессиональный и межнациональный подход к мемориальной политике. В сферу ее внимания включены абсолютно все жертвы политических репрессий, вне зависимости от конфессиональной и этнической принадлежности. Так, одним из знаковых мероприятий минувших Дней Памяти стало открытие на Алее памяти памятника полякам — узникам Соловков [9]. Важно отметить, что во время этой акции заместитель директора Соловецкого музея-заповедника в своей речи призвал помнить не только тех, кто погиб на Соловках, но и тех, кто, рискуя свободой, собирал и сохранял свидетельства о времени политических репрессий, подчеркнув, таким образом, гражданскую миссию музея.

Аналогичную, но более активную во взаимодействии с гражданским обществом мемориальную политику, осуществляет единственный в России Музей истории политических репрессий «Пермь-36» [10]. Концепция музея обозначена следующим образом: «Музей “Пермь-36” включает в себя сохранившиеся и реконструированные сооружения лагеря (исправительно-трудовой колонии) для политических заключенных, где в годы советской власти содержались в тяжелейших условиях, страдали и погибали диссиденты, инакомыслящие, активные

борцы за права человека в Советском Союзе, противники коммунистического режима, поборники национальной независимости поработанных народов — политики, общественные деятели, писатели, ученые, — люди, чьи идеи и усилия способствовали крушению человеконенавистнического режима [11].

Сбор материалов начался в 1992 г., когда возникла идея создания музея. Экспозиция музея посвящена функционированию лагеря «Пермь–36» с 1930-х по 1988 г., когда лагерь прекратил свое существование, а также деятельности других лагерей региона и страны. Она располагается в оригинальных постройках участков строгого и особого режимов, где содержались политические заключенные. Официальное открытие музея состоялось в 1996 г.

Кроме собственно музейной работы, связанной с реставрацией и консервацией сооружений лагеря, сбором документов, их хранением и экспонированием, музей ведет активную социальную работу. Музей организует передвижные выставки и проводит уроки памяти в школах Пермского края, общая цель которых сводится к тому, что через признание «трудных» вопросов истории необходимо продвигаться к становлению гражданского общества. Особо следует отметить ежегодный публичный форум «Пилорама», который вырос из Фестиваля авторской песни, впервые состоявшегося в 2005 г. В течение семи лет количество участников Форума выросло с нескольких сотен до двенадцати тысяч шестисот человек (2011).

В соответствии с положением [12], Международный гражданский форум «Пилорама» проводится ежегодно, его целями являются гражданское воспитание средствами искусства, популяризация искусства гражданской ответственности, выявление авторов и исполнителей произведений гражданской направленности, установление неформальных контактов между исполнителями, зрителями и слушателями. В программу форума входят фестивали авторской песни, спектакли камерных театров, поэзии, кинофильмы, перфомансы и др. Обязательное условие для участия в форуме — гражданское содержание, гражданская ответственность и гражданская направленность творческих работ, при этом на Форуме не допускается партийная агитация и партийная символика. Во время Форума также проходят дискуссии по гражданской проблематике.

Традиционная тема форума — «Мир несвободы и культура» — нацелена на выявление потенциала культуры, в том числе и культуры памяти, для формирования гражданского сознания. Международный гражданский форум «Пилорама» — «это уникальная возможность оказаться в потоке живого времени, осознанно проживать мгновения прошлого и программировать будущее», отмечают организаторы Форума, подчеркивая, что это — не только место исторической рефлексии, связанное с памятью о трагических событиях тоталитарных режимов, но и место объединения правозащитников, ученых, политологов, деятелей искусства и культуры, которым не безразлична судьба страны и гражданского общества [13].

«Трудные» места памяти в контексте межкультурного диалога

Изучая историю России и Польши, неизбежно сталкиваешься с проблемой диаметрально противоположной интерпретации одних и тех же исторических событий. Этот процесс всегда сложен и неоднозначен, так как принадлежность исследователей к разным историографическим традициям, различным культурам и вследствие этого — приверженность к существующим интерпретациям событий неотвратимо приводят к

наличию различных взглядов на одни и те же события. Во многом это связано также и с тем, что, как правило, события, рассматриваемые исследователями, сфокусированы вокруг трагических моментов истории, в котором одна сторона оказывается жертвой, а другая — триумфатором. И эта связка «жертва — триумфатор» как раз и формирует тот гордиев узел неразрешимых проблем и противоречий, которые на протяжении нескольких десятилетий не дают покоя не только исследователям и художникам, занимающимся изучением этих вопросов и их художественным воплощением, но и самым обычным гражданам, которые оказываются прямо или опосредованно втянутыми в этот водоворот памяти.

История взаимоотношений этих стран, особенно в минувшем XX столетии, отнюдь не располагает к равнодушному и бесстрастному изложению ее фактов. Однако понимание того, что без признания этих исторических фактов, невозможно налаживание конструктивных взаимоотношений двух государств на разных уровнях взаимодействия, заставляет вновь и вновь обращаться к трудным вопросам истории.

Следует подчеркнуть, что одну из ключевых ролей в процессе формирования национальной идентичности, налаживания позитивных межгосударственных отношений и развития межкультурного диалога играют так называемые «места памяти», превращающие различные моменты исторического прошлого в значимые национальные символы. Именно вокруг них группируется коллективное сознание народа. Особое значение здесь имеют общие места памяти, так или иначе связанные с прошлым и российского и польского народов, которое не всегда оказывается «удобным» для формирования благоприятных межгосударственных отношений, а его принятие и признание являет собой довольно болезненный процесс.

Рассматривая трагические события не слишком давнего общего прошлого России и Польши (еще живы их очевидцы), мы должны вновь говорить о принудительном забвении как о приоритетной политической стратегии. Катынская трагедия не является исключением. Подобные стратегии применялись и в более ранние исторические периоды. Достаточно привести классический пример, описанный в книге еврейского исследователя Й. Х. Йерушалми «Захор» (Память). Он связан с разрушением Иерусалима императором Веспасианом в 70 г. н.э. и передачей подати за обрезание в храм Юпитера из Иерусалимского храма. Автор работы, анализируя еврейские тексты, выражает недоумение, почему в них фигурой, которая связывается с разрушением идентичности еврейского народа, является не Тит, разрушивший иерусалимский храм, а император Адриан, который на месте Иерусалима заложил новый языческий город Элию Капитолину и последовательно проводил политику введения единой государственной религии с пантеоном римских богов [14]. И здесь я позволю себе дать следующий ответ: можно не иметь своего храма, можно мириться с особенностями налогообложения, но нельзя смириться с запретом на веру (а для еврейского народа именно его религия является первостепенным признаком идентичности). Точно также дело обстоит и с другими формами памяти, которые являются базовыми для определения национальной и культурной принадлежности.

Список подобных актов, инициируемых государством и направленных на реализацию принудительного забвения, в истории человечества огромен: все они так или иначе связаны с завоевательной политикой и сменой режима, когда необходимо выстраивать новую культурную

парадигму, в том числе и новую политику памяти. Такой род забвения никогда не связан с полной утратой памяти, но является наиболее трагичным, поскольку носители памяти зачастую уничтожаются физически, а «неудобная» для власти версия исторической памяти вытесняется в маргинальную зону культуры и становится уделом диссидентов, несогласных с господствующим режимом. В этом случае политика памяти становится одним из инструментов подавления самосознания определенных групп населения.

Процесс возвращения такой памяти к жизни также связан со сменой режима, и, как правило, является весьма болезненным. Но этой болезнью необходимо переболеть именно для того, чтобы научиться помнить, научиться признавать трудные вопросы взаимоотношений либо социальных групп или — на более широком уровне — государств, как это происходит с Польшей и Россией. В этом отношении весьма показателен пример Катыни, которая не просто стала местом трагедии, как, например, село Медное Тверской области, где неподалеку от города Осташкова также весной 1940 г. было расстреляно более шести тысяч полицейских, пограничников и государственных служащих из Восточной Польши, попавших в лагерь в числе интернированных поляков, после введения 17 сентября 1939 г. войск СССР на территорию Польши. Но Катынь стала символом этой трагедии, и именно вокруг этого места завязывается узел политики памяти наших государств.

Открытие мемориала, создание специальной комиссии по расследованию этого преступления, получившее широчайшее освещение в СМИ, способствовали превращению Катыни как места памяти в одну из самых болезненных и острых точек, вокруг которой фокусируется внимание не только исследователей и специалистов, занимающихся расследованием этого злодеяния, но и практически всех групп населения, хотя бы в какой-то мере интересующихся событиями недавнего прошлого. Вызволнение из забвения и возвращение памяти о событиях, связанных с одним из «трудных», а до недавнего времени казалось бы неразрешимых вопросов российско-польских взаимоотношений, адекватная оценка происшедшего позволили через принятие и признание прошлого создать необходимую платформу для налаживания межкультурного диалога и развития межгосударственных отношений.

Мемориальная политика, направленная на вызволнение из принудительного забвения «трудных» мест памяти, как и обращение к изучению «трудных» вопросов истории, способствует становлению гражданского сознания в обществе, восстановлению исторической справедливости и формированию новой идентичности нации на основе плюрализма, межкультурного диалога, равноправия и свободы. Это трудный процесс, но неизменно приносящий социальный эффект. Особую роль в этом процессе играют средства культуры, позволяющие мягко корректировать болезненные процессы в современном обществе.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Например: Рикёр П. Память, история, забвение. М., 2004; Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М., 2007. Многочисленные работы П. Нора также переведены и опубликованы на русском языке, см., например: Франция — память / С.-Петербург. гос. ун-т. СПб., 1999. Особо следует отметить статьи, публикуемые в специализированном англоязычном журнале «Memory Studies».

[2] Здесь в первую очередь следует отметить разрушение культовых зданий. Идеологическое осуждение религии, причем весьма жесткими способами (вплоть до физического уничтожения ее носителей), немало способствовало укреплению коммунистической идеологии и формированию советской идентичности, что, безусловно, работало на становление СССР. Уже во вторую очередь необходимо сказать о разрушении памятников культуры, в том числе связанных с аристократической элитой, поскольку их ценностное содержание также не вписывалось в систему культурных кодов и предпочтений рабоче-крестьянского большинства, которое и было объявлено «хозяином» положения.

[3] *Кадырбаев А. Ш.* Рабы, ставшие властелинами : «черкесские» мамлюки в Египте и Сирии (1382–1517 гг.) // Электронные библиотеки и базы данных по истории Евразии в средние века. М., 2007. Вып. 12. С. 73.

[5] *Филиппова Е. И.* История и память в эпоху господства идентичностей (беседа с действительным членом Французской Академии историком П. Нора) // Этнографическое обозрение. 2011. № 4. С. 75.

[6] Секирная гора // [Туристическая фирма «Виктория»] [Электронный ресурс]. URL: <http://www.viktur.ru/regions/arhangelsk/sekir-4900-879.html> (дата обращения 01.03.2012).

[7] Гора «Секирная», Вознесенский скит / Андрей // Путешествия на автомобиле [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nextroad.ru/solovetski-sights/190-mount-sekirnay> (дата обращения 01.03.2012).

[8] Дни памяти жертв политических репрессий на Соловках // Федеральное государственное учреждение культуры «Соловецкий государственный историко-архитектурный и природный музей-заповедник» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.solovky.ru/reserve/ties/releases/2011/08/05/208.shtml> (дата обращения 01.03.2012).

[9] Камень памяти польских заключенных установлен на Соловках // Там же. URL: <http://www.solovky.ru/reserve/ties/releases/2011/08/07/209.shtml> (дата обращения 01.03.2012).

[10] Не могу не исполнить приятный долг благодарности Министерству культуры, молодежной политики и массовых коммуникаций Пермского края и лично и.о. Министра Александру Рудольфовичу Протасевичу, благодаря чьей поддержке стало возможным посещение музея Пермь–36, а также исполнительному директору музея Татьяне Георгиевне Курсиной, которая радушно и отважно принимала меня в ледяной январский вечер в своем музее.

[11] Пермь 36 : музей истории политических репрессий [Электронный ресурс]. URL: <http://www.perm36.ru/index.php> (дата обращения 01.03.2012).

[12] См.: <http://www.perm36.ru/ru/mgf-l-pilorama-r/o-proekte.html> (дата обращения 01.03.2012).

[13] Тематика VII Международного гражданского Форума: «Двадцать лет спустя» // Пермь 36 : музей истории политических репрессий [Электронный ресурс]. URL: <http://www.perm36.ru/ru/mgf-l-pilorama-r/pilorama-2011/69-pilorama-2011.html> (дата обращения 01.03.2012).

[14] *Йерушалми Й. Х.* Захор. Еврейская история и еврейская память. М., 2004. С. 130–131.

© Н. А. Кочеляева, 2012

Статья поступила в редакцию 9 марта 2012 г.

Кочеляева Нина Александровна,

кандидат исторических наук,
ведущий научный сотрудник
научно-образовательного центра «Культура, память, коммуникация»;
ученый секретарь,
Российский институт культурологии (Москва),
e-mail: kochelyaeva@ricur.ru

UDC 902

Kochelyaeva N.

**INTERACTING MECHANISMS OF REMEMBERING AND FORGETTING
IN HISTORICAL PERSPECTIVE**

Abstract. The article is devoted to the phenomenon of forgetting and memory in culture. Particular attention is paid to forgetting as one of the most important tools for shaping a new culture and a new identity and the special role of the enforced forgetting in this process. The article focuses on the fact that any political toolkit, which includes both oblivion and memory, remains historically unchanged. Another aspect of the interaction between the processes of remembering and forgetting is exemplified by addressing to the so-called “difficult loci” of memory and their rescuing from forgetting. In these processes, the interaction between historical research, collective memory, and restoration of historical justice is particularly important.

Key words: memory, memory actualisation, forgetting, enforced forgetting, deliberate destruction, identity, places of memory, civil society formation

Kochelyaeva Nina Aleksandrovna,

Ph.D. in History, Leading Researcher
of the Culture, Memory, Communication Academic Centre,
Academic Secretary,
Russian Institute for Cultural Research (Moscow),
e-mail: kochelyaeva@ricur.ru